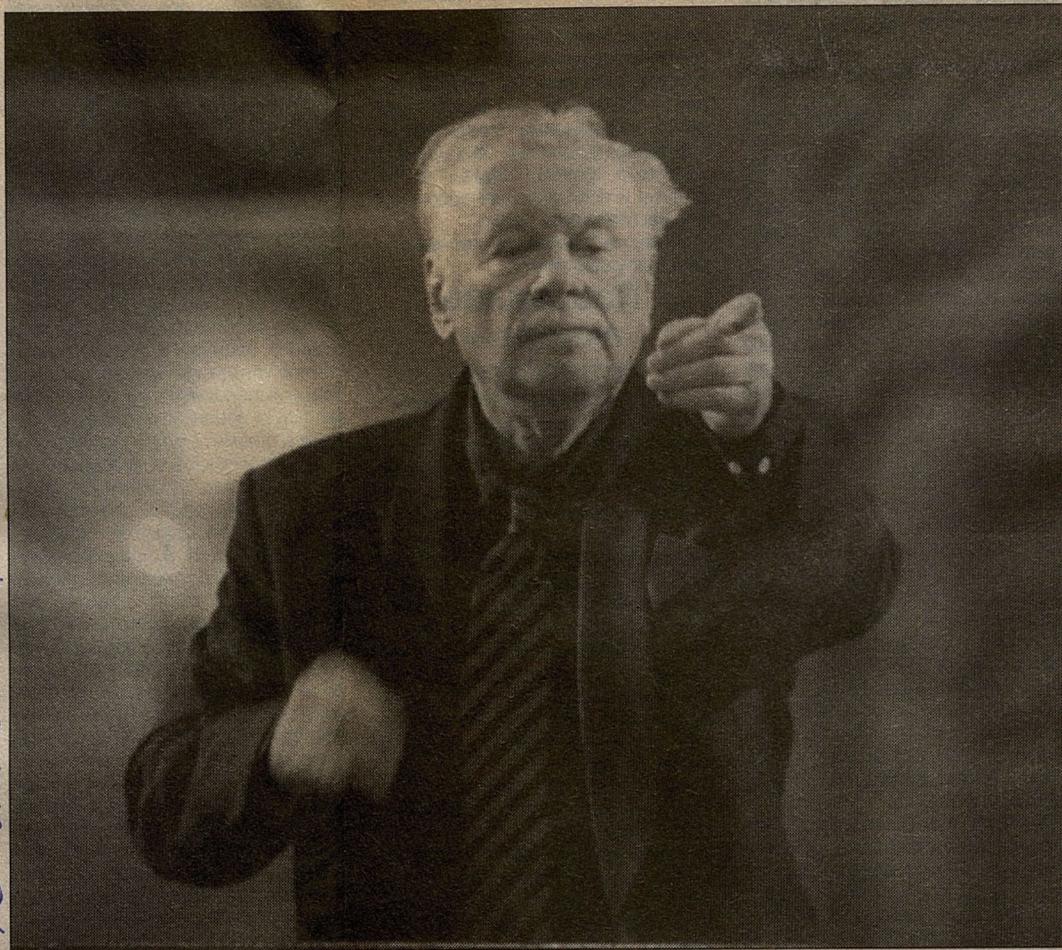

Музыка и тишина

Умер Евгений Светланов

Е. Светланов

То, что очень нездоров, он ощутил еще во время работы над постановкой "Мадам Баттерфляй" в театре Монпелье. Отыграв же несколько премьерных спектаклей, почувствовал, что просто разваливается на куски. Все советовали как можно скорее лететь в Москву — обследоваться и принимать какие-то меры. Он предпочел отправиться в Лондон — выступление с любимым оркестром Би-би-си (Первая симфония Чайковского и рахманиновские "Колокола") не было тем, что он мог бы принести в жертву обстоятельствам. 19 апреля этот концерт состоялся, 23-го Светланов прилетел в Москву. Встречавшим сказал, что чувствует себя выпотрошенным даже не на сто — на тысячу процентов. Тем не менее в самое ближайшее время собирался вновь отправиться в Лондон — 5 мая был запланирован концерт с Лондонским филармоническим. Но, поняв, что силы продолжают убывать, идею эту оставил. И преодолел свое упорное нежелание лечиться. Тем более что были стимулы. Два — в виде вполне официальных писем ждали его по возвращении домой. Дирекции Российской Национального оркестра

и Большого театра предлагали договориться о сотрудничестве. Что касается Большого, то обговаривались уже конкретные сроки и названия: январь 2003 года — спектакли текущего репертуара ("Лебединое озеро", "Щелкунчик", "Золотой петушок"), декабрь — премьера вожденной светлановской "Мадам Баттерфляй". Лечиться, впрочем, не пришлось. Результатом обследования явился убийственный диагноз: саркома левого легкого, поражены лимфатические узлы под мышкой. 3 мая он утас. До последней минуты был в ясном сознании и, во всяком случае, по видимости, не очень страдал физически.

Аркадий Бабов, доверенное лицо Евгения Федоровича, а с сентября прошлого года еще и директор светлановского фонда, рассказывая о борьбе духа с отказывавшимся служить телом, настаивает на соблюдении хронологии в описании "истории болезни". Нынешняя точка отсчета (Светланов, имея в виду свои болезни, нередко шутил: "Меня бы в Книгу рекордов Гиннеса") — по его мнению, вынужденный уход маэстро из Госоркестра. Переживая Светланова в основном оставались "за

кадром", но даром для него не прошли. Стала болеть и пухнуть нога. Летом прошлого года последовала операция, затем — курс радиологического лечения. Светланов сказали, что отныне его жизнь должна быть подчинена требованиям медицины. А он высказался в том духе, что люди в белых халатах не увидят его больше никогда. И начал разрабатывать свою, лишившуюся почти всех "опорных" мышц ногу. Практически ему надо было заново учиться ходить и — стоять. Стоять же он очень хотел — за дирижерским пультом. Первым из российских коллег-дирижеров захотел поддержать его Юрий Темирканов — предложил ему со своим оркестром открыть сезон 2001/02 года в Петербургской филармонии. Светланов отказался, хотя предложение воспринял как очень соблазнительное. Стоя — еще не готов, а сидя (предлагали ему такой вариант) — не буду никогда. Он встал за пульт в октябре 2001 года. И с тех пор, как говорит А. Бабов, началось его самосожжение. Он выступал в Голландии, Швеции, Франции, Англии. Получив приглашение от Владимира Спивакова (и дирекции РНО), сыграл

два концерта с Российским Национальным: первый — 8 декабря прошлого года, второй — 28 февраля нынешнего. После чего улетел в Париж, где с Французским Национальным дважды подряд "осил" фундаментальную ораторию Листа "Христос", впервые победоносно сыгранную им со студенческим оркестром в БЗК. Из Парижа отправился в Монпелье — и это уже была "финишная прямая"...

Великий знаток и интерпретатор русской музыки, неутомимый борец за то, чтобы русских на Запад приглашали не только с русским репертуаром, азартный искатель вышедших из употребления или вовсе невостребованных сочинений и неумный "поклонник" звукозаписи, был, как известно, фигурой яркой и противоречивой. Человек общепризнанно неконтактный (например, мог давать интервью, смотря преимущественно перед собой, а не на собеседника) вдруг становился легким в обращении, словоохотливым, умеющим шуточно остудить пафос и своих, и чужих высказываний (так, однажды в разгар самого что ни на есть "духовного" разговора спросила его, что читает в последнее время, — "Исключительно Марину. Что, "не в тему"? А по-моему, очень жизненно"). Угрюмому Светланов боялись — он и в хорошем-то расположении духа закрыт, всегда держит "дистанцию", что уж говорить, когда не в духе. Но коль скоро хотелось ему улыбнуться, без всякой задней мысли, причем, устоять перед ним было невозможно — именно такую улыбку, как была у него, и принято называть обезоруживающей. Неконтактный "угрюмец" много чего любил — например, Москву, Большой театр, который тоже в свое время вынужденно потерял, природу, удочку, спорт (о котором, как и о музыке, писал статьи), поэзию (есть пластинки с записью стихов Маяковского в его исполнении). Очевидно, много чего и не любил. Но вот чего совершенно оказался не способен понять и принять, так это бойцовского и волевого напора, с которым явилась к нему новая эпоха, естественно, вызывавшая его любопытство, но, по сути, так им и не освоенная. Едва ли от Светланова можно было часто добиться того, чтобы он поступил вопреки своей воле, допустил вмешательство в организацию своей жизни. Может быть, поэтому, следуя своему характеру, а может быть, как раз наоборот, считая, что характеру пришлось испытать посягательства более чем достаточно, он решил оградить от всяческих посторонних "вторжений" свою смерть. Вот этому государству хозяином буду уже только я... От всех других государств он пожелал отделиться. Впрочем, Светланов был верующим чело-

веком. Возможно, именно этим и объясняется та удивительная скрупулезность, с которой он в заветности отдал свои распоряжения насчет своего ухода...

Похоронить в старом фраке, "что висит в моем кабинете справа", старой фрачной рубашке, репетиционных туфлях. Вся его жизнь прошла во фраке, в этом образе он хочет и уйти. Описана форма гроба и указан цвет обивки — желтый, самый любимый. Прощание должно проходить в Большом театре. "Ни единого слова!" Пусть звучит только написанная им музыка. "Желательно соответствующего характера, а такой много." Отпевание должно состояться в церкви, что в Брюсовом переулке, приходом которого был маэстро. Некогда это был приход митрополита Питирима — ему и предложить совершить отпевание. "Я настаиваю на том, чтобы меня захоронили на Ваганьковском кладбище. Нарушение недопустимо!!" На Ваганьковском покоятся родители, друзья, "люди, которых я безмерно ценю". Захоронение на Новодевичьем предусматривается "табелью о рангах", "пусть это ко мне не имеет отношения". Светланов подумал и о памятнике: все должно быть предельно просто — строгая геометрия — и оформлено живой природой: дерном и белыми цветами. Чертеж, собственноручно выполненный маэстро, прилагался...

Воля покойного была нарушена только в двух пунктах. Светланов хотел вскрытия — чтобы близкие узнали диагноз. Но диагноз и без того был известен, так что решили тело не терзать. Кроме того, находясь под сильным впечатлением от того, что маэстро умер в страстную пятницу, то есть в день смерти Христа, А. Бабов позволил себе по завершении двухчасового прощания, на вынос гроба, поставить запись эпизода из листовской оратории.

Главная задача возглавляемого им фонда, как сказал г-н Бабов, — не позволить "отряду не заметить потерю бойца". 11 июня, на сороковины маэстро, должен состояться концерт — музыкальное приношение Светланову. К этому дню директор фонда надеется выпустить два диска — запись все той же оратории Листа и с трудом найденную им (считалось, что ее вообще не существует) запись последнего концерта маэстро с Госоркестром. Этот концерт состоялся 2 апреля 99-го года. Программа называлась "Любовь и смерть".

Наталья ШАДРИНА

Фото

Натальи ЛОГИНОВОЙ

Кучельмур — 2002 — 16-22 мая — п. 13